

Л.И. Сараскина

А.И. Солженицын и В.В. Набоков: в пространстве Больших Идей.

Сопоставление имен В.В. Набокова и А.И. Солженицына в контексте «Красного Колеса» или на пути к нему, вызовет скорее всего скептическое недоумение. Это, быть может, нечто вроде тех «странных сближений», о которых писал А.С. Пушкин в связи с поэмой «Граф Нулин», созданной в дни восстания декабристов. Кроме двух фактов — письма-ходатайства Солженицына в Нобелевский комитет в 1972 году и досадной неустраиваемости двух писателей в Швейцарии в октябре 1974-го — между ними не было как будто ничего общего, кроме, конечно, очевидных аналогий: всемирной известности обоих, огромного, хотя и совершенно разного, влияния на читательскую аудиторию, пристального интереса к языковой стихии (оба писателя перечитали четыре тома Толкового словаря Даля по многу раз, считали его своим неразлучным и надежным помощником¹). И в своем творчестве каждый из них стремился к подчеркнутой индивидуализации своего стиля и языка.

Триумфальное шествие произведений писателей по всему миру было обеспечено им обоим, но Набокову — благодаря *запрещенной* и пикантно-взрывной «Лолите», Солженицыну — благодаря *запрещенному* и политически взрывному «Архипелагу ГУЛАГ». Им обоим пришлось всерьез думать о стратегии своего литературного поведения: по части манифестов и заявлений оно оказалось полярным. Потому-то ходатайство Солженицына в Нобелевский комитет вызывает множество вопросов и представляется почти загадкой.

Поза рафинированного эстета и сноба, исповедующего идеалы «чистого искусства», с аристократическим высокомерием отворачивающегося от низменной житейской суеты и нарочито равнодушного к политике, религии, вопросам морали и социальным проблемам, то есть та поза, которую избрал Набоков для своего публичного поведения, должна была если не отворачивать от него, то во всяком случае препятствовать необыкновенному литературному сочувствию, которое проявил к Набокову Солженицын, едва он сам был удостоен Нобелевской награды.

Очевидно, было чему удивляться и самому Набокову.

Б. Ахмадулина в эссе «Робкий путь к Набокову» вспоминала о своем визите в Швейцарию в марте 1977 года к автору «Лолиты», за четыре месяца до его кончины.

Набоков: «Вы вправду находите мой русский язык хорошим?» («Самородный, невиданно-неслыханный», как назвала его Б. Ахмадулина).

Ахмадулина: «Лучше не бывает».

Набоков: «А я думал, что это замороженная земляника». Писатель изумленно спрашивал: неужели есть Россия, где он, Набоков, *влиятельно обитает*, и кто-то явно уцелел в ней для восприятия этого влияния?

Ахмадулина, смакуя эпизоды той своей единственной встречи, описала и еще один, особо для нас интересный. Набоков, вспоминала Белла Ахатовна,

«откровенно печалился, что его не посетил очень ожидаемый Солженицын: “Наверное, я кажусь ему слишком словесным, беспечно аполитичным?” — мы утешительно искали другую причину»².

Эта другая причина действительно имела место. Солженицын писал в «Зернышке»: «В Монтрё же предполагалась встреча с Набоковым, но, по недоразумению (он как будто ждал нас в этот день, но не прислал условленного подтверждения, мы ещё с дороги проверяли звонком в Цюрих), оставалось нам миновать его роскошную гостиницу»³.

«Я жалел, — продолжал он, — что не увиделся с Набоковым, хотя контакта между нами не предвидел. Я всегда считал его писателем гениальным, в ряду русской литературы — необыкновенным, ни на кого не похожим. (Непохожим на предшественников. Но первое знакомство с его книгами ещё не предвещало, сколько возникнет у него последователей: во второй половине XX века эта линия оказалась весьма разработочной. Ещё тогда не видно было, насколько полное течение родится вслед ему.) Сетовал я, ещё в СССР: зачем не пошёл он по главной дороге русской истории? вот, мол, оказался на Западе — выдающийся и свободный русский писатель, тотчас после революции, — и отчего ж он — как и Бунин, как и Бунин! — не взялся писать о гибели России? Чем другим можно было жить в те годы? Как бесценен был бы их труд, не доступный уже нам, потомкам! Но оба они предпочли дороги частные и межвременные. Набоков покинул даже русский язык. Для тактического литературного успеха это было верно, что могла обещать ему эмиграция на 40 лет вперёд? Он изменил не эмиграции — он уклонился от самой России»⁴.

«Я кажусь ему [Солженицыну] слишком словесным, беспечно аполитичным...» — сказал, как мы помним, Набоков Ахмадулиной. Горькой констатацией звучало это «кажусь» в устах писателя: к тому моменту он уже знал, каким видит его Солженицын.

16 мая 1972 года, за пять лет до визита к Набокову Беллы Ахмадулиной и Бориса Месерера, А.И. Солженицын отправил Набокову личное письмо «по левой» вместе с копией послания в Шведскую Академию, где выдвигал Набокова на Нобелевскую премию по литературе.

«Я понимал, что Набоков уже в пожилом возрасте (ему было уже 73 года. — Л.С.), что поздно ему себя переделывать, — но ведь и родился и рос он у ствола событий, и у такого нерядового отца, участника тех событий, — как же быть ему к ним равнодушным?»⁵

«Угодило зёрнышко...»: «Когда я приехал в Швейцарию — он (Набоков) написал мне дружественно. И в этом письме было искреннее: “Как хорошо, что дети ваши будут ходить в свободную школу”. Но, по свежести боли, покорило меня. Я ответил, тоже искренне: “Какая ж это радость, если большинство оставшихся ходят в несвободную?” Вот так бы, наверное, шёл и диалог между нами, если бы мы встретились в Монтрё. Русло жизни нашей глубеет с годами — и всё меньше нам возможностей перемениться, выбиться в иное. Окостенел на избранном пути он — да ведь и я костенею, мне бы тоже, ах, когда-нибудь

испробовать руслом другим! А вряд ли когда удастся»⁶, — писал Солженицын в «Зёрнышке» в 1978-м, в свои неполные 60 лет.

Однако загадка несостоявшегося швейцарского диалога заключалась не только в том, каким Набоков мог был показаться Солженицыну, а в том, каким он предстал во многих своих литературных манифестах и декларациях.

Сопоставим несколько фактов.

1955 год. Солженицын находится еще в Коктерекской ссылке, а у Набокова выходит роман «Лолита», который принес ему всемирную известность.

Ноябрь 1956 года. Солженицын только-только освободился из ссылки, поселился у Матрены Захаровой в поселке Торфопродукт, где завершил первую редакцию романа «В круге первом». Набоков, преподаватель Корнелльского университета (Итака, штат Нью-Йорк), в это самое время сочиняет предисловие к американскому изданию романа «Лолита», который в США обвиняется в безнравственности и антиамериканизме. Писатель рассказывает о своей тяжбе с издателями, цензорами и разъяренными ревнителями морали, обзывавшими роман о пленнике сладострастия и порочной страсти, переходящей в бессмертную и полную трагизма любовь, грязной и безудержной порнографией («любой, кто здесь публикует или продает ее, непременно должен попасть в тюрьму»).

Кстати замечу, что одна из немногих защитниц Набокова в среде русской эмиграции, Н. Берберова писала о романе «Лолита»: «В этом мире, где все можно делать, где воистину все позволено, если осталось неузнанным, в мире, где не только никто не верит в Бога, но никто даже не задает себе вопроса, есть ли Он или нет Его, в этом мире, где так легко скрыться в огромных пространствах, где никому не надо давать отчета в своих поступках, где нет больше голоса совести, потому что при полном одиночестве, какая же совесть? — в этом мире вдруг начинается таинство жалости, ужас перед тем, что сделано, начинает кровоточить совесть, пока все не кончается в дикой схватке с самим собой»⁷.

И Набоков, обороняясь от издателей-ханжей, замечает: «Я не читаю и не произвожу дидактической беллетристики... Для меня рассказ или роман существует, только поскольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением... Все остальное, это либо журналистическая дребедень, либо, так сказать, Литература Больших Идей, которая, впрочем, часто ничем не отличается от дребедени обычной, но зато подается в виде громадных гипсовых кубов, которые со всеми предосторожностями переносятся из века в век, пока не явится смельчак с молотком и хорошенько не трахнет по Бальзаку, Горькому, Томасу Манну»⁸.

Разумеется, молоточек набоковского смельчака никак в те поры не мог относиться к Солженицыну — как писателя в публичном пространстве его еще не существовало. Несомненно, однако, что в список, состоящий из Бальзака,

Достоевского, Горького, Томаса Манна, Набоков со временем включил бы и автора «Красного Колеса».

«В 1920-х в меня вцепился некий Мочульский, — скажет Набоков в интервью 1962 года, — который никак не мог переварить мое совершенное равнодушие к организованному мистицизму, религии, церкви — любой церкви»⁹. «Гоголевское религиозное проповедничество, прикладная мораль Толстого, реакционная журналистика Достоевского — все это их собственные небогатые изобретения, и в конце концов никто этого по-настоящему не принимает всерьез»¹⁰, — заявит Набоков в интервью 1966 года своему бывшему студенту Альфреду Аппелю, кончившему курс в Корнелльском университете.

«Мне претит, как герои [Достоевского] “через грех приходят к Христу”, или, по выражению Бунина, эта манера Достоевского “совать Христа где надо и не надо”»¹¹. «В своих лекциях я обычно смотрю на литературу под единственно интересным мне углом, то есть как на явление мирового искусства и проявление личного таланта»¹².

Известно, что в те времена, когда имя Солженицына уже громко звучало на Западе, Набоков упорно воздерживался от публичных комментариев и оценок его творчества. Высоко ценя гражданское мужество писателя и антикоммунистическую направленность его деятельности, Набоков, тем не менее, был не слишком высокого мнения о художественных достоинствах произведений Солженицына. «ГУЛАГ — важная историческая работа, но не художественная литература», — говорил он.

«Я могу оценивать коллег по творчеству только с литературной точки зрения, что потребовало бы в случае со смелыми русскими людьми... профессионального исследования не только их достоинств, но и недостатков. Не думаю, что подобная объективность справедлива в свете политического преследования, которому они подвергаются»¹³.

Однако так называемые недостатки были замечены и у самого Набокова. Русские писатели-эмигранты, высоко ценя его изумительный дар, блеск и волшебство прозы, не видели в ней высших целей, а игру слов такой целью не признавали. Писатели русской эмиграции говорили о феноменальном эгоцентризме Набокова, о том, что он не хочет замечать реальность истории, революции, войны, подлинных человеческих страданий, что он оторван от живых русских вопросов и интересов. О неблагополучии, которое завелось, как червоточина, в этом несравненном таланте, писали многие эмигранты. Они и Набоков кардинальным образом расходились в понимании *настоящего дела литературы*. От Набокова, как и от Гоголя, ждали духовного переворота, религиозного обновления, который выведет его на путь человечности. Но дальнейшее творчество Набокова (американский период) показало, что он пошел своим одиноким и исключительным путем.

В эмигрантской среде принято было считать, что большой русский писатель Набоков оказался не в ладу с большой русской литературой. Однако именно отношения с русской литературой — ключ к важнейшим смыслам

романов Набокова, ибо не действительная русская жизнь или реальная русская история, а русская классическая литература — главная, а может, и единственная реальность позднего Набокова, которую, как мне кажется, смог разглядеть у Набокова Солженицын.

Страстный диалог с русской классикой — это и был набоковский эквивалент Больших Идей, писательской публицистики и почти что политической борьбы; это и было кафедрой проповедника и трибуной общественного деятеля.

Свои книги, уверял Набоков, он пишет ради удовольствия, ради сложности художественной задачи. «У меня нет социальной цели, нет нравственного учения; нет никаких общих идей, чтобы их рекламировать, я просто люблю составлять загадки с изящными решениями»¹⁴. Фолкнерманы — так иронично называл Набоков классиков западной литературы и много раз повторял, что в оригинальности литературного стиля состоит единственная, истинная честность писателя¹⁵.

Равнодушие Набокова к общественной жизни и к притязаниям истории декларировалось к тому же как художественное кредо. «Мало есть на свете занятий более скучных, чем обсуждение общих идей, привносимых в роман автором или читателем... Я никогда не испытывал интереса к так называемой литературе социального звучания (“великие книги” на журналистском и торговом жаргоне)... Политика и экономика, атомные бомбы, примитивные и абстрактные формы искусства, Восток целиком, признаки “оттепели” в Советской России, Будущее Человечества и так далее оставляют меня в высшей степени безразличным»¹⁶.

И все же политическое кредо у Набокова имелось. «Оно, — утверждал Набоков, — традиционно до банальности. Свобода слова, свобода мысли, свобода искусства... Мои желания скромны. Портреты главы государства не должны быть больше размеров почтовой марки. Никаких пыток и казней»¹⁷. «Я ощущаю себя русским и думаю, что мои русскоязычные произведения, романы, стихи и рассказы, написанные мной за эти годы, являются своеобразной данью России. Я могу охарактеризовать их как расходящиеся волны и рябь на воде, вызванные шоком исчезновения России моего детства»¹⁸. «Я никогда не состоял ни в одной политической партии, но всегда испытывал омерзение и презрение к диктатуре и полицейским государствам, так же как и к любой форме насилия. Это относится к регламентации мысли, правительственной цензуре, расовым или религиозным преследованиям и всему подобному. Самое разумное и гуманное, правительство не способно произвести на свет великих художников, хотя плохое правительство, конечно, может изводить, изничтожать и подавлять их. В ауре мягкого режима шанс появления великого художника ровно настолько же мал, насколько в менее счастливые времена презренных диктатур...

Советская литература... Что ж, в первые годы после большевистской революции, в двадцатых и начале тридцатых, сквозь устрашающие штампы

советской пропаганды еще можно было различить умирающий голос былой культуры. Примитивное и банальное мышление навязываемой политики — любой политики — может произвести только примитивное и банальное искусство. В особенности это относится к так называемому “социалистическому реализму” и “пролетарской” литературе, опекаемой советским полицейским государством»¹⁹.

Под этими словами мог бы с чистой совестью подписаться и Солженицын.

Еще одно высказывание Набокова: «Бабуины в кирзовых сапогах постепенно истребили действительно талантливых авторов, редкую личность, хрупкого гения. Один из самых грустных примеров — история Осипа Мандельштама — удивительного поэта, величайшего из тех, кто пытался выжить в России при советском режиме, — которого хамское и слабоумное правительство преследовало и умертвило-таки в далеком концлагере...

Вы называете революцию, происшедшую там, банальной. Почему? — Потому что за ней последовала банальная историческая картина кровопролития, обмана, гонений, потому что она предала демократический идеал и потому что единственное, что она была способна пообещать советскому гражданину, — материальные блага, затрепанные обывательские ценности, подделку под западные продукты питания и товары и конечно же — икру для генералов в орденах»²⁰.

Всех этих интервью, опубликованных по-английски на Западе в 60-е годы, Солженицын не читал. Но достоверно известно, что он читал русские романы Набокова — среди них «Дар», «Приглашение на казнь», «Защита Лужина», об авторе которого Н. Берберова написала: «Огромный, зрелый, сложный современный писатель был передо мной, огромный русский писатель, как Феникс, родился из пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Все мое поколение было оправдано»²¹.

Мне кажется, в таком же ключе прочитывал Набокова и Солженицын, понимая, что Набоков — это абсолютная художественная величина, возникшая из пепла революции и изгнания, и что его шедевры содержат огромный потенциал подлинной свободы.

Б. Ахмадулина вспоминала, что под конец встречи с Набоковым в Палас-отеле Монтрё В.В. «внезапно... беззащитно, почти искательно... проговорил: “Может быть... мне не следовало уезжать из России? Или — следовало вернуться?” Я ужаснулась: “Что вы говорите?! Никто никогда не прочитал бы Ваших книг, потому что — Вы бы их не написали”»²².

И вот самая интригующая точка пересечения двух имен. Роман Набокова «Ада», над которым он работал 10 лет, был начат в 1958-м, в то самое время, когда был написан «Один день Ивана Денисовича» и задуман «Архипелаг ГУЛАГ». «Август Четырнадцатого» начинает создаваться в 1969 году, в том самом, когда «Ада» выходит в свет.

Американская критика признаёт «Аду» лучшим произведением Набокова и отнесет его к вершинам прозаического творчества XX века. После публикации «Ады» в 1969 году «Нью-Йорк Таймс» писала: «Если он не получит Нобелевскую премию, это случится только потому, что Нобелевская премия будет недостойна его»²³. Роман «Ада», по квалификации многих специалистов, — это абсолютная планка в русской прозе, высший образец сюжетной и лексической виртуозности, предел многослойности повествования; а общая система эпатажного, провокативного диалога с русскими писателями от Пушкина до современников превосходит все известные аналоги. Русский переводчик «Ады» Сергей Ильин, вдохновенно работавший над переводом романа в течение восьми лет, пишет: «По богатству и сложности языка, по безудержности фантазии, по размаху повествования во времени (90 лет!) и даже по своему объёму “Ада” в той или иной мере превосходит любое из иных творений Набокова... Всю свою оставшуюся неостребованной любовь к русской культуре Набоков выплеснул в эту книгу. Если выписать столбиком имена так или иначе упомянутых в ней русских авторов, от Пушкина до Окуджавы, получится неплохая памятка по русской литературе... (Замечу, что имени Солженицына в этой памятке нет. — Л.С.) Правда, — добавляет С. Ильин, — чтобы придать этой “культурной экспансии” вид естественный, Набокову пришлось переписать историю Америки и России (да уж и Европы заодно), но что же с того? — овчинка стоила выделки»²⁴.

Судьба американизированной знатной и богатой русской семьи рубежа XIX–XX вв. развернута в семейной хронике как взрыв всех прежних представлений и споров на тему «Россия и Запад», «русские без Бога и Родины». Оставленная когда-то Россия, называемая то «Татарией», то «Демонией», то геенной огненной, представляется героям романа территорией географического запустения и исторического забвения. Реальность России для них — всего лишь пустая иллюзия... Мерзопакостная земля, которая расплзлась от Курляндии до Курил, запрещена к упоминанию. Жители этой гиблой территории, этих задворков культурного мира, именуются «татарскими мужиками», «несчастливыми рабами», а страна — «Суверенным Советом Солипсических Республик, смешившим царей».

Сто лет истории России — с 1868 по 1967 год — или не замечены вовсе или отброшены, как постылая общая идея, недостойная внимания истинного художника. Жизнь героев Ады протекает в атмосфере роскоши, пылких запретных чувств, кровосмешения и распутства. «Ада» написана как вызов самой идее «Красного Колеса», но безотносительно к нему, потому что его еще нет. «Ада» — это отрицание художественной задачи «Красного Колеса». Солженицын же создает «Красное Колесо», ничего не зная о существовании «Ады» — этот роман он не прочитает и позднее, в русском переводе 1996 года. Но все художественные ключи «Красного Колеса» — это антитеза к «Аде».

Начиная с 1960-х годов распространился слух о возможной номинации Владимира Набокова на Нобелевскую премию. Однако в 1970 году, то есть в

год, ближайший к опубликованию «Ады», Нобелевскую премию получает не роман Набокова, а Солженицын — за те самые ценности, к которым Набоков, применительно к литературному творчеству, относился столь скептически. В Америке «Лолиту» обвинили в безнравственности, а Солженицын получает Нобелевскую премию «За нравственную силу, с которой он продолжил традицию русской литературы». Номинация Набокова не состоялась, а сам Набоков выразил глубокую благодарность Солженицыну за его жест в письме, отправленном в 1974 году, после высылки Солженицына из СССР. Впоследствии многие причисляли Набокова к тем писателям, кто незаслуженно не был включен в списки номинантов.

И вот ключевая цитата из письма Солженицына: «Это писатель ослепительного литературного дарования, именно такого, которое мы зовём гениальностью. Он достиг вершин в тончайших психологических наблюдениях, в изощрённой игре языка (двух выдающихся языков мира!), в блистательной композиции. Он совершенно своеобразен, узнаётся с первого абзаца — признак истинной яркости, неповторимого таланта. В развитой литературе XX века он занимает особое, высокое и несравнимое положение. Всего этого, мне кажется, с избытком достаточно, чтобы присудить В.В. Набокову Нобелевскую премию по литературе и поспешить с этим актом в 1972 году, так как автору столько же лет, сколько и нашему веку. Обиднее всего бывает осознавать с опозданием непоправимость ошибки»²⁵.

Итак, Солженицын оценивал Набокова с точки зрения сугубо художественных критериев, которые только и признавал Набоков: никакой политической или идеологической дидактики, никаких гипсовых кубов.

Как известно, Нобелевскому комитету ошибку исправить не удалось ни в 1972 году, ни позже: Набоков так и не стал Нобелевским лауреатом, а в 1972 году награду получил Генрих Бёлль (затем, при жизни Набокова, лауреатами становились представители Австралии, Швеции, Италии, США, Испании).

В заключение хочу привести всего одну параллель, еще один пример победы художественной мысли над дидактикой, которую так не любил Набоков.

1876 год. Опубликована «Анна Каренина». В частной беседе с писательницей Х.Д. Алчевской Достоевский не сдерживает раздражения. Он говорит собеседнице: «Все лица до того глупы, пошлы и мелочны, что положительно не понимаешь, как смеет граф Толстой останавливать на них наше внимание. У нас столько живых насущных вопросов, грозно вопиющих, что от них зависит, быть или не быть, и вдруг мы будем отнимать время на то, как офицер Вронский влюбился в модную даму и что из этого вышло. И так приходится задыхаться от этого салонного воздуха, и так натыкаешься беспрестанно на пошлость и бездарность, а тут берешь роман лучшего русского романиста и наталкиваешься на то же!.. Левин? По-моему, он и Кити глупее всех в романе. Это какой-то самодур, ровно ничего не сделавший в жизни, а та просто дура. Хорош парень! За пять минут до свадьбы едет отказываться от невесты, не имея к тому ровно никаких поводов. Воля ваша, а это даже

ненатурально: сомнения возможны, но чтобы человек попер к невесте с этими сомнениями, — невозможно!»²⁶

«Насущные вопросы» — это как раз и был предмет всегдашних насмешек Набокова над литературой «Больших Идей», и можно себе представить, как бы он мог вступить за роман Толстого. Но вступить ему бы и не пришлось.

Автор «Дневника писателя» сам сумел разглядеть глубину в великом толстовском романе, который в полемической запальчивости ему хотелось только бранить. Он смог обуздать чувство соперничества с лучшим русским романистом и увидеть в «самодуре Левине» честную душу, человека «нового корня русских людей, которым нужна правда, одна правда без условной лжи». Ответственное слово автора «Дневника» обнаружило в романе Толстого, помимо «салонного воздуха», столько «наизлобнейшей злобы дня», что от бранчивого настроения Достоевского-критика не осталось и следа.

«Сказанное по поводу “негодяя Стивы” и “чистого сердцем Левина” так хорошо, — чисто, благородно, умно и прозорливо, что я не могу удержаться от потребности сказать Вам горячее спасибо и душевный привет, — писал Достоевскому Н.С. Лесков. — Дух Ваш прекрасен, — иначе он не разобрал бы этого *так*. Это анализ *умной души*, а не головы»²⁷.

Мне кажется, то же самое Лесков мог бы сказать и о письме Солженицына в Шведскую академию.

Правда, остается вопрос, как воспринял бы Солженицын «Аду», если бы прочел этот роман, и что написал бы он после этого в Нобелевский комитет?

- ¹ «Однажды, — вспоминал В.В. Набоков, — на рыночной площади посреди Кембриджа, я нашел на книжном лотке среди подержанных Гомеров и Горациев Толковый словарь Даля в четырех томах. Я приобрел его за полкроны и читал его по несколько страниц ежевечерне...» (Другие берега. Гл. 12). «Величие самобытности четырехтомного Даля» приводит в восторг и героев романа «Ада» (Ч. 1. Гл. 36),
- ² *Ахмадулина Б.* Из эссе «Робкий путь к Набокову» // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. СПб.: Изд-во РГХИ, 1997. С. 160–161.
- ³ *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Ч. 1 // Новый мир. 1998. № 9. С. 88.
- ⁴ Там же. С. 88–89.
- ⁵ Там же. С. 89.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Берберова Н.* Набоков и его «Лолита» // Там же. С. 295–296.
- ⁸ *Набоков В.* О книге, озаглавленной «Лолита». (Послесловие к американскому изданию 1958-го года) // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. С. 86–87.
- ⁹ *Набоков В.* Интервью из сборника «Strong Opinions» // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. С. 163.
- ¹⁰ *Набоков В.* Интервью, данное Альфреду Аппелю // Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 164.
- ¹¹ *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1996. С. 182.
- ¹² *Набоков В.* Лекции по русской литературе. С. 176.
- ¹³ Набоков о Набокове. Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая газета, 2002. С. 381, 249.
- ¹⁴ Два интервью из сборника «Strong Opinions» // Там же. С. 144.
- ¹⁵ *Набоков В.* Ада, или Радости страсти: Семейная хроника. Пер. с англ. Сергея Ильина. М.: Ди-Дик, 1996. С. 430.
- ¹⁶ *Набоков В.* Предисловие к роману «Bend Sinister» // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. С. 76.
- ¹⁷ *Набоков В.* Интервью из сборника «Strong Opinions» // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. С. 159.
- ¹⁸ См.: Набоков и Набокове и прочем. Интервью, рецензии, эссе // <http://www.fedy-diary.ru/?p=3053>
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Берберова Н.* Из книги «Курсив мой: Автобиография» // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. С. 189.
- ²² *Ахмадулина Б.* Из эссе «Робкий путь к Набокову» // В.В. Набоков: PRO ET CONTRA. Антология. С. 162.
- ²³ Цит. по: Набоков В.В.: PRO ET CONTRA. Антология. С. 540–541.
- ²⁴ *Ильин С.* Вот книга, которую будут переводить еще много раз и не переведут никогда // *Набоков В.* Ада, или Радости страсти: Семейная хроника. С. 6.
- ²⁵ *Солженицын А.* Публицистика: В трех томах. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995–1997. Т. 2. Общественные заявления. Письма, интервью. 1996. С. 44.
- ²⁶ См.: *Алчевская Х.Д.* Достоевский // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 293.
- ²⁷ *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 10. 1958. С. 447.